
ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

Существование государства как ценностная проблема политического реализма

© 2021 г. С.А. Кучеренко

*Школа философии, факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: oldjeffrey93@gmail.com

Поступила 30.10.2020

Статья посвящена онтологическому статусу государства в современном политическом реализме. Представляется, что способность быть предметом нравственной оценки зависит от существования. В полной мере ценностью могут выступать только реально существующие предметы. В статье продемонстрировано, что абстрактные социальные понятия могут быть ценностью, лишь являясь целью, которая требует воплощения в реальности. Понятие государства занимает одно из ключевых мест в теории реализма, а сами государства играют роль базовых элементов международной системы. При этом государство обладает в реализме двойственным онтологическим статусом. С одной стороны, реалисты рассматривают государство как теоретическую абстракцию, не имеющую собственного существования, с другой стороны, в их анализе мотивов политических деятелей государство выступает как ценность, что создает противоречие. Автор полагает, что реализм, будучи понимающей социологической теорией, вынужден мыслить в рамках двух систем ценностей: научной и политической, которую он анализирует. Выходом из этой ситуации могло бы стать разделение понятия государства (и смежных понятий) сообразно тому, в каком смысле они применяются.

Ключевые слова: политический реализм, государство, ценность, Моргентхау, Уолц.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-5-16

Цитирование: *Кучеренко С.А.* Существование государства как ценностная проблема политического реализма // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 5–16.

Existence of State as a Value Problem in Political Realism

© 2021   Sergey A. Kucherenko

*School of Philosophy, Faculty of Humanities, Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

E-mail: oldjeffrey93@gmail.com

Received 30.10.2020

The article is focused around ontological status of state in modern political realism. It seems that possibility of moral evaluation depends on the existence of the evaluated object. Only the real objects can be fully valuable. The article demonstrates that theoretical abstraction of social world can function as values only by being the ends that have to be fulfilled. The notion of state plays crucial role in realist theory, while states themselves are basic units of international system. This puts the state in an ambivalent position. On the one hand realists view state as a mere theoretical abstraction without proper existence. On the other hand state acts as a value in analysis of statesmen motives. The author claims that realism, being an “understanding” social theory, is stuck between scientific and political value systems. This problem is possible to solve by splitting the concept of state (and related notions), based on the context of its usage.

Keywords: political realism, state, value, Morgenthau, Waltz.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-7-5-16

Citation: Kucherenko, Sergey A. (2021) “Existence of State as a Value Problem in Political Realism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2021), pp. 5–16.

В политологии долгое время господствовала точка зрения, что современный политический реализм лишен ценностного аспекта. С одной стороны, реалисты отрицали значимость моральных норм для политики, указывая на их слабость и даже в сфере силовой политики. Мораль в такой перспективе представляла либо как прикрытие истинных интересов, либо как наивное заблуждение. С другой стороны, реалисты претендовали на научность, то есть на незаинтересованное стремление к постижению истины о политической жизни. Этот аспект преувеличивался настолько, что на реализм был наклеен ярлык «позитивизма».

Все эти точки зрения, преувеличенные и не совсем верные, отражают фундаментальную проблему политического реализма, возникшую на пересечении практики и теории. Уже у Макиавелли возникает противоречие: начиная в «Государе» с обещания рассказать, как устроена политическая жизнь, Макиавелли переходит к рассуждениям о том, *как следует поступать*. Нетрудно заметить, что его описание реальности «как она есть» либо неполно, либо является не описанием, а системой ценностей.

В политическом реализме в международных отношениях, сформировавшемся в начале XX в. в работах Г. Моргантау, Э. Карра и др., имеется разрыв между позицией исследователя и позицией политика. Основанный на понимающей социологии реализм становится на позицию политика, чтобы лучше понять смысл его действий. При этом возникает напряжение между позицией ученого, чьей высшей ценностью является истина, и позицией «идеального политика» чьей ценностью является захват и удержание власти. В результате исследователь-реалист всегда рискует не исследовать свой предмет, но оценивать его, причем с точки зрения политики и политического.

Полное раскрытие этого конфликта невозможно в рамках отдельной статьи. Вместо этого мы покажем, как конфликт ценностей в реализме происходит вокруг понятия

государства. Ученые-реалисты, находясь на позиции исследователя, рассматривают государство как абстракцию, которая не имеет полноценного, самостоятельного существования. Однако в практико-ориентированных работах те же реалисты оценивают деятельность политиков на предмет того, соответствует ли она *интересам государства*. Государство оказывается агентом, который имеет интересы и может быть ценностью. Как мы покажем ниже, вопрос о ценности тесно связан с вопросом о существовании: ценным может быть лишь то, что в полностью или в значительной степени реально. Этот факт затрудняет использование научных абстракций в политической риторике и ставит вопрос о правомерности подобного использования.

Государство выбрано предметом статьи из-за того, что оно часто выступает в качестве одного из главных понятий реализма. Иногда реализм определяется как «теория о государствах», рассматривающая государства в качестве «единиц анализа» и их ведущую роль в политике [Behr 2016, 23; Brown and Ainley 2005, 63; Keohane 1986, 164–165; Лебедева 2007, 28; Цыганков 2004, 109–110]. В рамках структурного реализма государства выступают в качестве базовых элементов международной системы [Waltz 1979, 93–97]. Такое положение государства приводит к повышенному вниманию к «интересам государства», государство помещается на пьедестал главной международно-политической ценности. Реалистом считается политик, способный рассуждать с позиций государства как целого и выбирающий в первую очередь то, что способствует суверенитету, независимости и могуществу государства на международной арене. Ученые-реалисты, хотя и более сдержанны, не избегают оценочных рассуждений о внешней политике тех или иных государств, осуждая ее за недостаточное понимание собственных интересов и подмену интересов государства интересами групп/абстрактной моралью.

Самым проблематичным пунктом этого рассуждения об интересе государства является то, что реалисты преимущественно стоят на позициях методологического индивидуализма и признают онтологическую первостепенность обычных людей из плоти и крови. Два крупнейших реалиста XX в. – Ганс Моргентау и Кеннет Уолц – прямо указывают на то, что реально существует лишь индивид, тогда как государство – абстрактное понятие, которое существует только в анализе и присутствует в мотивах людей как нечто, на что эти люди ориентируются в поступках. Под этим углом открывается проблема – в какой мере государство может быть ценностью, если его реально не существует? Как государство может обладать агентностью и интересами, если его нет?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны решить ряд задач. Во-первых, мы коснемся вопроса о связи ценности и существования и попытаемся ответить на вопрос о том, как именно несуществующие, абстрактные объекты могут быть ценностью. Во втором разделе мы дадим краткий обзор теорий государства в реализме Ганса Моргентау и Кеннета Уолца и укажем на то, как воображаемые интересы государства связаны с реальными интересами индивида. Наконец, мы поместим все эти рассуждения в более широкий контекст отношения нормативного и дескриптивного в политическом реализме.

Проблема существования и проблема ценности

Существование объектов тесно связано с их ценностью. Еще И. Кант в «Критике способности суждения» отмечал, что удовольствие от *хорошего* – имеющего моральную ценность/полезность, – сопряжено с интересом. Только эстетическое удовольствие, определяемое суждением вкуса, ускользает от требования заинтересованности. Кант определяет эту незаинтересованность через независимость суждения вкуса от существования предмета. Так, дворец может быть прекрасен вне зависимости от того, существует ли он. Существование дворца, напротив, необходимо, если я заинтересован в обладании им с какой-либо другой целью, кроме эстетического созерцания [Кант 1966, 204–212].

Хотя важность существования очевидна в случае «материальных» интересов, связанных с непосредственным чувственным наслаждением или экономической выгодой,

связь нравственной ценности предмета с его существованием не так очевидна. Мы попытаемся продемонстрировать, что нравственной оценке подлежат лишь *реально существующие* предметы и события, тогда как предметы и события, которые не обладают полноценным существованием, подлежат лишь условной оценке. Так, убийство персонажа в видеоигре не подлежит моральной оценке, поскольку персонаж не является человеком, или «не существует» в том же смысле, что и обычный человек (Агата Кристи может «убить» одного из персонажей, не опасаясь такого осуждения, как в случае убийства обычного человека).

Необходимо сделать отступление и прояснить, что мы считаем реальным. Мы не утверждаем, что «знаем смысл бытия» и можем твердо указать на различие между существующим и несуществующим. Будет точнее сказать, что объекты существуют по-разному либо что это разные типы объектов, которые существуют по-разному соответственно своей принадлежности тому или иному типу. Опираясь на представление Альфреда Шютца о *paramount reality* [Schütz 1945] – пространственно-временной реальности физических действий, – мы рассматриваем в качестве реальности мир объектов, которые могут оказывать нам сопротивление, и событий, которые не могут быть отменены. Эти два критерия позволяют нам отличать реальные объекты от содержания воображения, идей, форм и т.п. объектов.

Когда мы говорим о допустимости «убийства» в видеоигре, мы понимаем, что речь идет об описании человека, но не о реальном человеке: у нас есть ограниченный ИИ, либо просто жестко записанный сценарий поведения персонажа, его изображение и т.п. элементы, которые по форме и по содержанию не совпадают с реальным человеком. Все это является лишь набором нулей и единиц на носителе, который интерпретируется процессором с помощью набора инструкций.

Таким образом, у нас есть эмерджентный объект, который сам по себе не реален в той же степени, что элементы, из которых он возникает, а потому не подлежит той оценке, которой могли бы подлежать сами элементы, или реальный человек, устроенный отлично от персонажа видеоигры или фильма. Здесь, однако, возможно возразить, что и обычный человек может быть представлен как набор систем, на пересечении которых «человечность» и целостность возникают для наблюдателя лишь при определенных условиях. Человек может быть низведен как до собрания атомов/молекул/клеток, так и представлен как совокупность систем – систем органов, паттернов поведения, психических механизмов, структур власти и т.п.

Более важной деталью является отменимость и податливость событий видеоигры. С одной стороны, разработчик способен наделить игру любым содержанием и изменить правила, по которым взаимодействуют объекты, тогда как реальный мир не допускает такой свободы влияния. С другой стороны, игрок, хотя и не может влиять на игру так же, как ее автор, способен отменять события – игру всегда можно вернуть в стартовое состояние, что делает события, произошедшие в игре, обратимыми на значительном отрезке времени. Игрок может испытывать эмоции, но события игры не имеют прямых последствий в его жизни и могут быть повторены/отменены в рамках самой игры.

Именно видеоигра выбрана примером по той причине, что она допускает большую интерактивность, нежели фильм или книга. Фильм или книга являются записями уже произошедшего события, тогда как игра представляет собой воспроизведение события здесь и сейчас. Игрок может потерпеть неудачу и должен будет начать сначала, иногда игрок выбирает, как поступать, что делает каждый сеанс игры событием в большей мере, чем просмотр фильма. Но, как и в игре, события внутри кино и романа не имеют прямых последствий и расположены вне пространства, времени и причинных цепей повседневности: издание книги имеет последствия в реальном мире, но действия персонажей подчиняются прихоти автора и не влияют на нашу реальность напрямую.

Итак, у нас есть интуиция о том, что лишь реальные объекты могут иметь ценность. Объекты, являющиеся лишь абстрактными идеями, воображаемыми, бесконечно

дублируемыми и производными от настоящих объектов, не подлежат непосредственной нравственной оценке. Ключевую роль в этом различии играет то, что реальные объекты располагаются во внешнем мире, а действия в отношении них имеют необратимые последствия и наталкиваются на сопротивление. Интуиция о ценности лишь реальных объектов может показаться неважной, но только до тех пор, пока мы не перейдем к вопросу о системах ценностей, принимающих во внимание существование общества. Государство, общество, община и т.п. конструкты могут считаться ценными. Нередко им приписывается агентность, что значит, что перед ними можно нести моральные обязательства или что сам конструкт может нести ответственность. Государство у Т. Гоббса выступает под именем «суверена», который быстро становится «земным Богом». Государство, хотя и с оговорками, выступает в качестве ценности у Макиавелли. Государство, наконец, является основной единицей анализа в структурном реализме и занимает важное место в реализме Ганса Моргентау. Затруднением является, однако, то, что и Гоббс, и реалисты являются методологическими и онтологическими индивидуалистами. Для них действительно существуют только индивиды, из взаимодействий которых как бы образуется государство. Если у Гоббса проблема агентности государства решается (или как минимум отодвигается) через введение понятия о естественном договоре, из которого *de facto* проистекают все права и обязанности людей по отношению к реальным и к абстрактным личностям, то в современном политическом реализме дело обстоит несколько сложнее.

Каким образом объект, существующий лишь в воображении, в виде умозаключений, может обладать нравственной ценностью? Даже если он не подлежит нравственной оценке как существующий, он может быть желательным. Примером могут быть такие объекты, как коммунизм, справедливое общество, добрый поступок и т.п. категории. Вышеперечисленные вещи не существуют, но при этом признаются некоторыми людьми хорошими, то есть в их отношении осуществляется нравственная оценка. Противоречие снимается путем того, что эти объекты выступают в роли целей – они должны быть *воплощены*. То есть оценка объекта, который не имеет полноценного существования, создает требование воплотить этот объект (или, в случае с негативной оценкой, избегать воплощения) с тем, чтобы его ценность также стала реальной.

Теории государства в политическом реализме

Следует прояснить, что мы понимаем под современным политическим реализмом. Политический реализм представляет собой почтенную традицию политической мысли, корни которой традиционно обнаруживают у Макиавелли, Гоббса и Фукидида. Несмотря на предполагаемую древность, нас интересует молодая разновидность реализма, а именно реализм в теории международных отношений, сформировавшийся в период между мировыми войнами как ответ на попытки деполитизации и сведения политических проблем к проблемам экономики, педагогики и международного права.

Политический реализм, воплотившийся в работах Э. Карра, Г. Моргентау, Дж. Герца и других, достиг значительного развития в 1980-е гг. благодаря работам Кеннета Уолца, создавшего структурную теорию международных отношений. Несмотря на падение интереса к реализму после холодной войны, он не сдал своих позиций полностью. С одной стороны, – в академии – реализм привлекает исследователей, стремящихся к раскрытию «подлинного» смысла работ классиков, пострадавших от неверных толкований, и к своеобразной «реабилитации» реализма. С другой стороны, – в практико-ориентированных работах и от лица политиков – все чаще звучат тезисы об актуальности реализма в мире, где глобализация/интеграция/либерализм потерпели крах. В большей степени нас интересует этот второй подход.

В первом приближении реализм можно описать как «утверждение о реальности политического». Реализм утверждает, что политическое, понимаемое как сфера борьбы за власть, является особой сферой деятельности человека, которая не может быть редуцирована к экономике, морали, эстетике и т.п., а потому борьба за власть не может

быть прекращена мерами правового/воспитательного/экономического характера. Так реализм утверждает наличие особого интереса у ряда людей, а именно стремления захватывать и удерживать власть. Очевидно, что структура отношений подразумевает, что два любых человека не могут одновременно властвовать друг над другом, но только один над другим. Из этого следует, что при столкновении нескольких политиков невозможна полноценная гармонизация интересов, а только борьба либо сдерживание/компромисс.

В риторике государственных деятелей и их советников это превращается в риторику самопомощи и критику проектов интеграции, таких как ЕС или даже ООН. Разговор о кризисе ЕС и ООН получил новый импульс в том числе из-за пандемии коронавирусной инфекции в 2020 г. [Бордачев 2020 web¹; Бордачев 2020 web²; Крастев 2020 web]. Подтверждением правоты реалистов, «возвращением реализма» стало указание на то, что государства в тяжелых условиях могли полагаться только на себя и не могли ни ждать помощи от других, ни рисковать тем, чтобы тратить ресурсы на помощь другим. Такая риторика является продолжением риторики о превосходстве государственного суверенитета, о суверенитете как основной ценности, об особых интересах конкретного государства как наиболее важных и т.д. Государство оказывается не просто главным участником международных отношений, но и ценностью для своих граждан, которые должны участвовать в процессе его укрепления.

Несмотря на ключевую роль государства, политический реализм уделяет сравнительно мало внимания понятию государства. Часто характер государства как «базовой единицы», внутреннее устройство которой неважно, принимается за нечто очевидное или даже за аксиому. Несмотря на это, ключевые авторы теории реализма – Моргантау и Уолц – явно указывают на то, что считают физического индивида существующим реально, тогда как государство является чем-то абстрактным.

Государство в классическом реализме Ганса Моргантау

Моргантау является одним из самых значительных реалистов в теории международных отношений. Его работа «Политические отношения между народами» долгое время была одним из основных учебников по теории МО и до сих пор занимает важное место в учебных программах. Моргантау одним из первых в реализме указал на власть как на главный смыслообразующий компонент международно-политической науки. Отношения государств – это отношения политические, то есть их центральным предметом является борьба за власть и за ее удержание. Одной из особенностей Моргантау является то, что он пытается вывести политику из природы человека. Власть – это не просто одна из возможных ценностей, жажда власти присуща человеку как таковому.

Моргантау является методологическим индивидуалистом, о чем говорит прямо: *«Нация не является эмпирической вещью... Все, что доступно наблюдению – отдельные индивиды, принадлежащие нации. Таким образом, нация – это абстракция от некоторого числа индивидов, которых объединяет свойство принадлежности к нации... Поэтому, когда мы в эмпирическом смысле говорим о власти или внешней политике нации, мы говорим о власти или внешней политике индивидов, принадлежащих нации»* [Morgenthau 1997, 117]. Основной онтологической единицей является индивид. Именно свойства человека являются одной из важных причин того, почему политика выглядит так, как выглядит, а основным предметом анализа в реализме являются действия людей, точнее, их смысл.

Вместе с тем, «существование государств» – это факт, который требуется объяснить и который Моргантау так или иначе признает. Так, в «Политических отношениях между народами» речь идет о компонентах национального могущества. Предложенный анализ того, из каких факторов состоит могущество государства и как они взаимодействуют, не оставляет сомнений в том, что государство признается в какой-то степени реальным.

Каким образом существует государство у Моргантау? Государство для него – это воображаемая инстанция, от лица которой одни люди издают приказы, а другие подчиняются им именно в силу ссылки на это государство. Открыт вопрос о том, как такое государство возникает. Классические договорные теории, прежде всего теория Гоббса, подразумевают объединение людей ради безопасности. Государство необходимо для установления порядка и является единственным способом снизить страх и недоверие людей, освободив ресурсы для мирной жизни.

Самым знаменитым критиком таких взглядов был Гегель, указавший на то, что для действительного государства необходимо нечто большее, нежели стремление к покою. Люди должны быть готовы пожертвовать личной безопасностью ради более высоких ценностей – ценностей общества/государства [Гегель 1990, 359–61]. Моргантау, не ссылаясь прямо на Гегеля, придерживается сходных взглядов. Государство образуется не путем подчинения людей законам ради личной безопасности, государство не сводится к тому, чтобы обслуживать потребности людей. Напротив, оно вырастает вокруг сообществ, в которых люди уже имеют общую систему ценностей, и именно наличие такого единства взглядов может гарантировать стабильность. Люди, живущие в таком государстве, признают его превосходство над собой и над своими интересами.

Одним из важнейших факторов, что приводят к образованию государств современного типа, является вышеупомянутая природа человека. Как отмечает Роберт Шуэтт, Моргантау почти без изменений переносит логику сублимации из психоанализа З. Фрейда в политический реализм. Согласно этой логике, человеку сложно и даже опасно реализовывать свое стремление к господству в рамках общества, где политическая борьба регламентирована, а насилие ограничено. Такие же возможности самореализации, как искусство, наука и даже любовь, труднодостижимы для обычного человека. Однако есть выход в виде ассоциации себя с государством, образованным вокруг народного суверенитета. В этом случае воля государства оказывается продолжением всех индивидуальных волей его граждан, а сами граждане получают возможность ощущать причастность к успехам и неудачам этого государства [Schuett 2007; 2009].

Таким образом, государство для Моргантау – это абстрактная инстанция, которой приписывается верховная легитимная власть. Важно подчеркнуть, что государство не имеет «подлинного» существования, как обычные индивиды или, скажем, бытовые предметы. Вместо этого государство проявляется в действиях людей, точнее, в смысле, который люди приписывают своим и чужим действиям. Для исследователя государство также оказывается абстракцией, полученной из обобщенных действий множества людей. Такая абстракция позволяет лучше понимать смысл действий отдельных людей либо обнаруживать закономерность в большом количестве социальных взаимодействий.

Может ли такое государство быть ценностью, чем-то, что может иметь *государственный интерес*, который нужно учитывать? Хотя Моргантау недвусмысленно указывает на абстрактный характер государства, он нередко критикует внешнюю политику США с позиций государственного интереса [Morgenthau 1950; 1952], то есть становится на позицию, в которой государство имеет ценность.

Сам Моргантау плохо раскрывает то, почему он рассуждает с позиций, в которых абстракция функционирует как объект, которому может быть приписана ценность. Можно предположить, что Моргантау просто становится на позицию политиков, уверенных в существовании и ценности государств, вынося за скобки свое представление о государстве как абстракции. Тем не менее менее критика американской внешней политики осуществляется с учетом теоретических положений политического реализма (реальность политического, неизменная природа человека как источник противоречий и т.п.), что обнаруживает некоторое противоречие в мысли самого Ганса Моргантау.

Вернемся к противоречию, о котором сказано выше. С одной стороны, государство является лишь абстракцией, которая проявляется в действиях отдельных людей и не имеет иного существования. С другой стороны, существует позиция, при которой это же самое государство выступает в качестве ценности, причем речь идет о выживании государства, его усилении и ослаблении – о всех тех вещах, которые заставляют

мыслить о государстве, как чем-то существующем. Сам Моргентау в большинстве случаев не обостряет противоречие, разделяя теорию реализма и рассуждения с позиций политического деятеля, в которых теоретические знания могут быть вынесены за скобки.

Это, однако, не снимает до конца противоречия, которое может быть рассмотрено на более глубоком уровне. Настоящее противоречие реализма лежит на пересечении двух систем ценностей – ценностей ученого и ценностей политика. Будучи исследователем, реалист должен стремиться к истине. Одновременно реалист обязан постоянно становиться на точку зрения политика, рассуждать, как если бы власть была верховной ценностью. Эта вторая сторона реализма приводит к опасному проникновению политической риторики в науку. Как мы увидим в следующем разделе, этот эффект еще более выражен в размышлениях Кеннета Уолца о государстве.

Государство в неореализме Кеннета Уолца

Кеннет Нил Уолц – пожалуй, самый влиятельный из так называемых неореалистов или структурных реалистов. Именно структурный реализм обеспечил политическому реализму прочные и даже лидирующие позиции в американской академии. В основу своей теории Уолц положил понятие о структуре или, как он ее нередко называет, системе. Система – это взаимное расположение элементов, которое нельзя свести к свойствам отдельных элементов и которое способно выступать в качестве полноценной причины. В работе «*Man, the State and War*» Уолц смещает акцент реализма с человеческой природы на систему государств – взаимное расположение государств в зависимости от их могущества (*power*). Именно распределение сил между государствами является главным ограничивающим фактором для государств, значительно более важным, чем их устройство или людские страсти. В рамках нашего анализа важно то, что для структурного реализма базовым элементом международной системы является государство.

Не исключено, что подобное рассмотрение государств как базовых элементов сформировало представление о реализме как «теории о государствах» и все сопутствующие дебаты о том, кто может быть включен в список акторов, а кто является пассивным наблюдателем на международной арене. Нас интересует в первую очередь то, как в качестве базового элемента может выступать нечто, что не имеет полноценного существования. Это является важным вопросом для самого Уолца, и он пытается ответить на него в работе «*Man, the State and War*».

Кеннет Уолц рассматривает государства в качестве действующих единиц анализа (*acting units*), опираясь при этом на Ж.-Ж. Руссо и его понятие о всеобщей воле. Уолц утверждает, что у Руссо государства делятся на те, что фактически есть, и на те, какими государства должны быть. Вторые государства – это те, в которых суверен действует так, что выражает всеобщую волю. Всеобщая воля в трактовке Уолца – это интерес государства, который в минимальном варианте подразумевает сохранение государства и безопасность жителей [Waltz 2001, 173]. В противоположность Спинозе, для которого государство всегда действует от лица сразу всех своих жителей, у Руссо государство не автоматически представляет своих жителей, но только тогда, когда действует сообразно всеобщей воле – действует так, как хорошо для всего государства. Таким образом, заключает Уолц, условием единства государства как агента является наличие условий, необходимых для актуализации всеобщей воли [Ibid., 174].

Далее Уолц излагает тезисы Руссо, связанные с воспитанием патриотизма. Уолц, судя по всему солидарен с тем, что для достижения единства государства, люди должны быть воспитаны так, чтобы интересы государства воспринимались ими как возвышающиеся над частными интересами индивида [Ibid., 175]. И все-таки, попытка свести вопрос единства государства к вопросу о патриотизме избыточна. Достаточно двух альтернативных допущений: а) государство является организмом в некотором смысле (целое, системное, можно вменить цель самосохранения и защиты граждан); б) некоторая

сила внутри государства добилась такой ситуации, в которой ее решения воспринимаются и принимаются как решения государства [Waltz 2001, 178].

Таким образом, единство государства достигается тогда, когда какая-то группировка обладает достаточной властью в государстве, чтобы от лица всего государства действовать на международной арене и при этом быть признанной как другими государствами, так и своим населением. В противном случае мы получаем ситуацию, в которой государство не может быть единицей анализа. Уолц отмечает, что в рамках международной системы возникает мощный стимул для единства государства. Этим стимулом является страх перед возможной войной, который вызывает у населения чувство единства и парадоксальным образом создает у граждан готовность участвовать в оборонительных и превентивных войнах [Ibid., 179].

Как отмечает Х. Бер, истолкование Руссо Уолцем не вполне корректно. Уолц разделяет государство действительное и государство идеальное, приписывает идеальному государству абстрактный характер и т.п., чего нет у Руссо [Behr and Heath 2009, 338–343]. Вне зависимости от того, насколько рассуждение Уолца хорошо как толкование работ Руссо, оно позволяет получить представление о том, как сам Уолц понимает место государства в своей теории.

Для нас важно то, что он прямо заявляет, что государство не вполне существует, что оно является «неодушевленной абстракцией» [Waltz 2001, 175–176]. Эта абстракция оказывается полезной для описания больших групп людей, особенно в рамках анализа политических процессов. Вместе с тем, анализ Уолца обнаруживает интересные особенности, которые лучше видны путем противопоставления его Руссо. Как уже было указано выше, Х. Бер критикует Уолца за идеологическую ангажированность. У Руссо онтологическое совпадает с нормативным и государство, каким бы оно ни было, всегда действует как единое целое [Behr and Heath 2009, 340]. Целью исследователя в данном случае является истолкование того, какой именно была всеобщая воля, а не суждение о том, имела ли она место. Безусловно, такой подход к анализу имеет свои недостатки: очевидна презумпция того, что государство (и всеобщая воля) всегда уже есть, из чего вытекает проблема различения государств от не-государств и государств друг от друга. Но нашей целью является не критика Руссо, но критика Уолца.

Кеннет Уолц рассматривает государство в качестве абстракции, к которой можно стремиться. Системы, состоящие из реальных людей, могут принимать на себя качества государства в зависимости от того, насколько взаимодействие граждан приводит к «эффекту всеобщей воли». Идеалом государства для Уолца является ситуация, в которой решения, принимаемые центром от лица всего государства, признаются населением в качестве легитимных и собственных. Уже упомянутый выше Х. Бер видит в этом прекрасный объект для идеологической и политической критики – Уолц оказывается апологетом «сильного государства», «патриотизма» – то есть чего-то, что можно с натяжкой объявить «фашизмом». Государство должно заставить граждан любить себя ради того, чтобы быть целостным и готовым к возможной войне. Трудно судить, насколько справедлива подобная критика с точки зрения теории, так как Уолц излагает эту концепцию, как если бы она была инструментом нейтрального ученого.

Заключение

Ценность явно связана с существованием. Мы не можем всерьез говорить о ценности того, что для нас не существует. Если речь идет о ценности идеи, то либо мы полагаем ее существующей особым образом, либо мы мыслим ее и тем самым гарантируем ее существование в конкретный момент. В ситуации с абстрактными понятиями из социальных наук речь о ценности может идти только в связи со становлением. Понятия вроде «государство» или «феодализм» являются не просто абстракциями. Почти всегда они подразумевают идеальную модель человеческих взаимодействий – что-то вроде *идеального типа* из социологии М. Вебера.

Нечто оказывается не просто абстракцией, но идеалом, к которому возможно стремиться и степень приближения к которому может быть измерена. Таким образом, абстрактные понятия политической теории скрывают в себе мощный ценностный потенциал. Существование объектов, обозначаемых этими понятиями, не отрицается полностью, но переводится в сферу возможного. Наука создает образцы, которые могут быть восприняты в качестве эталонов. Здесь реализм особенно уязвим. В «Шести принципах политического реализма» Ганс Моргентау излагает проект реализма как *понимающей* дисциплины в смысле Макса Вебера. Реалист должен ставить себя на место политика и мыслить в рамках политической системы ценностей, где верховной ценностью является *power*, государство оказывается инструментом воплощения этой власти/могущества [Morgenthau 1997, 4–6]. Претензия на научность, развитая неореалистами и гиперболизированная критиками в виде ярлыка «позитивизма», затрудняет рефлексию. Как критики реализма отказывают реализму в ценностном содержании и чувстве морали, так и сами реалисты, рассматривая свою теорию как «описание реальности», включают в это описание политическую систему ценностей. Такое положение дел не позволяет в полной мере осознать, насколько размытой является грань между позицией реалиста-ученого, который должен стремиться к истине, и политика-реалиста, который должен укреплять власть.

В результате в риторике реалистов суверенитет провозглашается основной ценностью, силовая политика утверждается в качестве реальности, скрывающейся под флером морали, институтов и международного права. Все это вместе может позиционироваться как простое описание реальности «как она есть», но от этого тезис о силовой политике не утрачивает своего нормативного характера. Государство существует, а если не существует в строгом смысле слова, то оно должно быть воплощено в действиях правительства и граждан.

Систематическое рассуждение «с точки зрения идеальной политики», оценка политиков при отсутствии неполитических точек зрения, почти неизбежно приводит к искажению картины мира: действия политиков, совершаемые во имя чего-то, кроме власти, объявляются лицемерием или глупостью или временной мерой. Любое возвращение к силовой политике оказывается не просто изменением ситуации, а проявлением вечной истины о природе человека и политики.

Трудно говорить о том, является ли такое положение дел проблемой, требующей исправления. Реализм, при всех своих недостатках, высоко ценится даже оппонентами за ряд глубоких интуиций о природе международной политики. Однако если допустить необходимость смешения двух систем ценностей (научной и политической) в рамках политического реализма, то можно увидеть два возможных выхода.

Во-первых, это более четкое «проговаривание» разницы двух систем ценностей в рамках реализма. Для этого необходимо признать, что политическая система ценностей нормативна, что она не единственная (на что указывает еще Моргентау в «Принципах...») и что она находится в состоянии конфликта с научной системой ценностей. Постоянная демонстрация этого разрыва поможет не поддаваться соблазну выдать политическое мировоззрение за объективную картину мира. Дополнительно требуется более четкое определение таких базовых терминов, как государство, война, власть/могущество и т.п. Применительно к государству, на наш взгляд, было бы ценным расщепить понятие на государство как научную категорию и государство-реальный объект в восприятии политиков. Фактически это разные понятия, которые по-разному влияют на восприятие и действия людей.

Другой подход к «исправлению» политического реализма состоит в интеграции реализма в более масштабную теорию. Так поступает Ричард Лебоу в своей культурной теории международных отношений [Lebow 2008; 2010]. Лебоу, будучи учеником Моргентау, продолжает «веберианскую традицию» и рассматривает свою культурную теорию МО как понимающую теорию, которая также основана на идеальных типах. Главным отличием Лебоу является то, что он выделяет четыре типа мотивации – статус, достаток, страх и разум. Реализм в рамках этой теории оказывается разделен

между статусом (жажда власти у Г. Моргентхау) и страхом (стремление к безопасности в условиях анархии у К. Уолца). Такая теория позволяет более полно и глубоко анализировать действия участников на международной арене, а также снижает риск принять один из типов мотивации за точное описание мира.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Гегель 1990 – Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990 (Hegel, G.W.F., *Philosophie des Rechts*, Russian Translation)

Кант 1966 – Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль, 1966 (Kant, Immanuel, *Kritik der Urteilskraft*, Russian Translation).

Primary Sources

Keohane, Robert O. (1986) *Neorealism and Its Critics. The Political Economy of International Change*, Columbia University Press, New York.

Morgenthau, Hans J. (1950) “The Mainsprings of American Foreign Policy: The National Interest vs. Moral Abstractions”, *American Political Science Review*, Vol. 44 (04), pp. 833–854.

Morgenthau, Hans J. (1952) “Another “Great Debate”: The National Interest of the United States”, *American Political Science Review*, Vol. 46 (04), pp. 961–988.

Morgenthau, Hans J. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed.*, McGraw-Hill, Singapore.

Schütz, Alfred (1945) “On Multiple Realities”, *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 5 (4), pp. 533–576.

Waltz, Kenneth N. (1979) *Theory of International Politics*, Addison-Wesley Pub. Co., Reading.

Waltz, Kenneth N. (2001) *Man, the State and War: A Theoretical Analysis*, Columbia Univ. Press, New York.

Ссылки – References in Russian

Бордачев 2020 web¹ – Бордачев Т.В. Коронавирус и распад либерального порядка: судьба Европы под вопросом. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/raspad-sudba-evropy/>

Бордачев 2020 web² – Бордачев Т.В. Долгая правота реализма. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dolgaya-pravota-realizma/>

Крастев 2020 web – Крастев И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/>

Лебедева 2007 – Лебедева М.М. Мировая политика: учебник для вузов. М.: Аспект пресс, 2007.

Цыганков 2004 – Цыганков П.А. Теория международных отношений: учебное пособие. М.: Гардарики, 2004.

References

Behr, Hartmut (2016) *History of International Political Theory*, Palgrave Macmillan, London.

Behr, Hartmut, Heath, Amelia (2009) “Misreading in IR Theory and Ideology Critique: Morgenthau, Waltz and Neo-Realism”, *Review of International Studies*, Vol. 35 (2), pp. 327–349.

Bordachev, Timofey V. (2020 web¹) *Coronavirus and the Collapse of the Liberal Order: Europe’s Fate Called Into Question*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/raspad-sudba-evropy/> (in Russian).

Bordachev, Timofey V. (2020 web²) *The Enduring Rightness of Realism*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dolgaya-pravota-realizma/> (in Russian).

Brown, Chris, Ainley, Kirsten (2005) *Understanding International Relations*, Palgrave Macmillan, New York.

Krastev, Ivan (2020 web) *The First Seven Lessons of Global Coronavirus Crisis*, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/> (in Russian).

Lebedeva, Marina M. (2007) *A Handbook on World Politics*, Aspect Press, Moscow (in Russian)

Lebow, Richard N. (2008) *A Cultural Theory of International Relations*, Cambridge University Press, Leiden.

Lebow, Richard N. (2010) *Why Nations Fight: Past and Future Motives for War*, Cambridge University Press, New York.

Schuett, Robert (2007) “Freudian Roots of Political Realism: The Importance of Sigmund Freud to Hans J. Morgenthau’s Theory of International Power Politics”, *History of the Human Sciences*, Vol. 20 (4), pp. 53–78.

Schuett, Robert (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations: The Resurrection of the Realist Man*, Palgrave Macmillan, New York.

Tsygankov, Pavel A. (2004) *International Relations Theory for Students*, Gardariki, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

КУЧЕРЕНКО Сергей Анатольевич –
аспирант Школы философии,
факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ.

Author's Information

KUCHERENKO Sergey A. –
Graduate Student, School of Philosophy,
Faculty of Humanities, Higher School of Economics.